

8.95

Панов Андрей

Вот отрывок из раннего, если не первого, интервью со Свином из "Рокси" №5 за 1981 год: "Самое раннее, что о себе помню — сижу под столом, здесь всего уютнее в высокой большой комнате, где, не переставая звучит музыка Брубека, прелюдии Листа, Чайковского в бит-обработках... Детство было полно музыки и шампанского. Первый раз дали попробовать в четыре года."

С тех пор много чего утекло, не только шампанского. Я думаю, сегодня нет ни одного мало-мальски уважающего себя рокера, который не слышал бы, если не записи (их негусто), то хоть про Свина и АВТОМАТИЧЕСКИХ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЕЙ. За эти годы они стали легендой, обросшей всевозможными вариациями.

В марте сего года подполз некий юбилей — 35 лет Свину и 15 лет группе. Что ж, удобный случай поболтать за чашкой-рюмочкой.

Панов

Корр.: Андрей, в молодости ты ведь любил совсем другую музыку — CHICAGO, Билли Кобэма... Как же тебя прихватило на панк, да еще так, что теперь ты числишься дедом-основателем?

А.П.: Когда я кончил меломанствовать, я взял в руки гитару, сразу электрическую, мне было 19 лет тогда, что тут особенного? А когда человек к себе очень цинично относится и понимает, что играть толком не умеет... критерий обозначен, и я так рассчитал, что хуже меня уже быть не может, а раз так, то — если плохо, то все равно должно быть хорошо, потому что дальше некуда. А теперь мне ничего не нравится, так как очень много товарищей гораздо хуже меня.

Корр.: У меня есть запись московского концерта, который начинается с "Икры". Кстати, как правильно, — "Черная" или "Красная"?

А.П.: Да просто — "Икра". Икра бывает — красная, черная, форелевая и самая вкусная — щучья. Да, еще паюсная. Вот намазываешь все это на хлеб и — вперед.

Корр.: Слушай, это правда, что на том концерте в Москве ты кидался в зрителей кашками из банки?

А.П.: Нет, я кинулся банкой с кильками в вокалиста группы ДК, по-моему, Жариков фамилия, почти как у актера извещного. Нас там водили-водили по коридорам, так страшно, выходишь со стороны как бы сцены — огромная изба, столы стоят буквой "П" и сидят люди, я такое только в кино видел, честно говоря. А потом дыбка такой, в стройбатовской куртке с волосатой грудью — прыгал-прыгал, а я выпил-выпил, кровь молодая... я ему хотел что-то сказать, кричал-кричал, а он прыгал-прыгал, и чтобы человек обратил на меня внимание в конце концов, я кинул в него банкой с кильками, стояла там такая, открытая.

Корр.: Попал?

А.П.: Нет, ну куда, я кидаю, как девица в танк гранату. Но дело было в нем — он увернулся. Попал я прямо в барабан и мне сказали: "Пойди и убери".

Корр.: И что?

А.П.: Пошел и убрал. "Насрал — убери", меня этому еще в детстве учили. В школе, в лагерях всяких. Я до сих пор, когда бываю, из ресторана уношу с собой посуду.

Корр.: В том смысле, что стакан в карман и пошел?

А.П.: Да нет, собираю тарелки и несусь к мойке. Тетеньки бывают очень расторопные. Все смеются, а мне не смешно. Ну, а там балались эти кильки по всей избе, или как она должна называться? Столовая зала?

Корр.: Я не получал приглашений в столовые избы, поскольку не являюсь Андреем Пановым.

А.П.: Не Пановым, а Шульманом!

Корр.: Ах да, ты же Шульман! Хотел тебя спросить, ты по жизни как к женщинам относишься?

А.П.: Очень отрицательно. Но заби-

шу от них, потому что гомосексуалистом по статистике можно стать только после 45-ти лет, если не стал раньше. Не люблю женщин и кошек. Да и котиков тоже. И они меня не очень. Попадают, правда, сумасшедшие. А вообще, любовь зла, полюбишь и козла. Дело-то семейное. Вот, кстати, делали мы программу с Мядой, она должна была называться "С особым цинизмом". Там все вещи посвящены наркомании, пьянству и разным смертям. Я как раз пошутил тогда с Мядой на эту тему, а получилось, что мы с ней на нее и накаркали.

По поводу котиков еще в Москве. Считается, что зачинать ребенка лучше всего на собачьем месте, прямо на коврике. А хуже всего — рядом с кошкой, может вообще ничего не получится. А я вот был зачат в Москве, поэтому меня в Москву тянет все время.

Корр.: А тебе Москва нравится?

А.П.: Обалденно. Мы вот с Лешей Рыбиным, которому тоже нравится Москва, сходимся в одном — что не любим Ленинград и ленинградцев. А Москва тем и нравится, что приезжаешь и понимаешь, что находишься в сердце России. И ничего там не хаяют, это здесь хаяют. Заходишь в транспорт и начинается, кто-нибудь кому-нибудь: "Вы говорите, как не ленинградцев". И пошло-повехало: "Это кто не ленинградец? Я? Да я..." Такого жлобства я нигде не встречал.

Корр.: Ты всегда старался играть плохо. А как ты относишься к звуку?

А.П.: Ну, я не старался играть плохо.

Корр.: Но, по-моему, не старался и хорошо?

А.П.: Нет, я старался играть лучше и стараюсь сейчас — лучше, чем так называемые "андеграундные" команды. Естественно, я думаю о звуке, о новом звуке, потому что у нас публика — как были консерванты в Питере, так и остаются... А звук... Вот когда будет своя студия...

Корр.: Мне кажется, что это — по ведомству журавлей в небе...

А.П.: Ну, почему? У Шевчука же есть! И там будет свой оператор голымы; вот когда можно будет свое крутить

all that FU FLO

Rockfuzz: 1995-авг. (№24)-сб

фото С. Токарева

самому, тогда можно будет говорить о звуке. А так — ты зависимый человек. Тем более, что вещи-то, как говорил старикан Маккартни, летают в воздухе и тут уж как поймает, так и получится. Для каждой вещи нужен свой звук. Это мы с Андреем Черновым и постарались сделать в сборнике, который — ну, если... выйдет сейчас — сборник 79-94 гг. Там разные вещи, "Утренник", например, записан по-новому. И еще один сборник готовится.

Корр.: На сцене у тебя со звуком не очень, мягко выражаясь.

А.П.: А на сцене я отдыхаю, а не работаю, чем, наверное, и отличаюсь от остальных. Это в жизни я работаю, прикидываюсь там... А на сцене полное отпускатово. И потом, на концерте очень многое зависит от людей, с которыми я играю. Одни люди — одно поведение и звук, другие — все другое.

Корр.: Как тебе работало в группе 600 — проекте Михаила Дубова, где ты был певцом, а не руководителем?

А.П.: Миша, надо отметить, вообще мастер разных проектов. Он всегда делает их, но сам в них не удерживается, не знаю уж, плюс это или минус, но главное — активность. Проект 600 — то же самое, что и АУ, и люди там играли почти те же. Хотя у АУ плавающий состав и именно по причине консерватизма музыкантов.

Одни упираются в одно, другие — в другое. Сочиняются разные вещи и, грубо говоря... Одни играют КьюЭ, другие ЧИЛИ ПЭ-ПЕРС, третьи до сих пор торчат на ДИП ПЕРПЛ, восьмые — на БЛЭК САББАТ, и так всю жизнь. А вещи-то, в конце концов — мои и хочется слышать такими, какими их слышу я. Вот последние три вещи, которые мы сделали с Димой "Осликом", мне больше всего понравились — они сделаны в "диско" или, скажем, в стиле "электропип". И если есть возможность даже у таких безграмотных людей, как я, пробовать себя в разных вариантах, то, конечно, это надо делать.

Корр.: Считают, что у тебя в большинстве своем довольно злобные песни?

А.П.: Это, как сказала бы моя бабушка — "сытый голодного не разумеет". Злобных процентов тридцать, не более. Остальные очень добрые, пропаганда пьянства, вот и все.

Корр.: Я смотрю, ты хорошо к этому делу относишься?

А.П.: Есть два несчастья, которых я боюсь: это потерять голос, по определению и

перестать пить. Я это дело очень люблю.

Корр.: У нас есть общий знакомый — Игорь "Панкер", он же "Монозуб" Гудков. Он рассказывает про тебя несколько знаменитых историй. Вот одна из них: как-то раз у него дома, где живет очень щепетильная бабушка, которая всем напоминает, что после туалета надо мыть руки, ты в этот самый туалет и пошел. Выйдя, в ответ на ласковое напоминание бабушки: "Андрюшенька, руки мыть вот здесь", ты хладнокровно ответил: "А я уже помыл". Насколько это правда?

А.П.: Это очень похоже на правду, потому что до твоего прихода всю ночь пил воду из унитаза. Вот представь, каково человеку, которого мучает похмелье, пить ночью воду из унитаза!

Корр.: А что, из унитаза вкуснее, чем из-под крана?

А.П.: Я тебе сделаю чай из этой воды — ты обалдеешь...

Корр.: ...Не сомневаюсь...

А.П.: Потому что в кране вода двоякой очистки — то есть и теплая и не теплая, а в унитазе — настоящая холодняк! И вода отличается! Вкуснее.

Корр.: А какова технология питья? Прямо головой туда и...

А.П.: Господи, ну какой ты! Спускаешь, подставляешь стакан... Если не лень, можно из бачка зачерпнуть...

Корр.: Да, это целая философия. А каковы твои философско-социальные взгляды в глобальном масштабе?

А.П.: Есть объективные взгляды и субъективные. Субъективно я — анархист, а объективно — тоталитарист, то есть таких, как я, я бы бешал на столбах, потому что такие, как я, развращают молодежь. Я — за сильное государство, но — субъективно, — побешанным быть не хочу. В качестве правителя мой идеал — Андропов. Потому что все забывает от территории. Такую огромную территорию, как у нас, другим способом, кроме тоталитарного, в порядке не удержать.

Корр.: Слушай, а почему ты так не любишь Гребенщикова?

А.П.: Потому что он насковозь фальшивый. Он ведет совершенно не в ту сторону.

Корр.: А есть та сторона и ты ее знаешь?

А.П.: Нет, так я никуда и не веду, кроме пивного ларька. Но направление можно ведь только указать. У любого пути есть развилка. Те люди, которые слушают Гребенщикова, даже не в Ленинграде в основном, они начинают пудрить себе мозги и становятся не теми, кем могли бы стать, вот я к чему. Его творчество — это чистой воды ханжество. Его же формулировка — "пиши раз в день текст, тогда раз в неделю что-нибудь получится". Одного этого достаточно.

Корр.: Ты хочешь сказать, что все поколение, которое выросло на его песнях, безжалостно обмануто?

А.П.: Да, это серьезный вопрос. Он соответствовал своему времени. Обманывает уж скорее Летов. А Гребенщикова — эстет, интеллигент. Конечно, каждому хочется рвануться по чему-то умному.

Корр.: И что же здесь плохого?

А.П.: Ничего. Нет, я ему очень благодарен, — не будь его и Майка, ты бы со мной сейчас не беседовал.

Корр.: А к Майку ты как?

А.П.: Очень хорошо, мы были с ним грузьями, сбутылниками довольно длительное время, тем более, что жили рядом. Но за три года до его смерти что-то случилось — он страшно разозлился на меня, перестал пускать к себе домой и всюду лажал. Может, я что-то по пьяни сотворил, не знаю. И теперь уж и не узнаю.

Корр.: Ну, а ты зачем сейчас всем этим занимаешься?

А.П.: Из любви к сцене, наберное. У меня сейчас даже нет премьера, человека, который занял бы мою нишу. Я умереть должен был к 25-ти годам. А после этого возраста я боюсь от любого случая. Я вот в сером хожу, потому что серый цвет самый маскировочный, раз — и нет никого.

Вообще, то, что произошло все так — это совершеннейшая случайность. При моей лакейской натуре я мог бы быть слугой, продавцом, официантом. Шутим гороховым. То есть социальный герой из меня никакой.

Корр.: Однако, получился.

А.П.: Да, и я очень от этого страдаю. Повторяю, это — совершеннейшая случайность, и мне приходится нести все это фуфло.

АЛЕК ЗАНДЕР

